Му Цинфэн удивлённо ахнул: Гу Шаобай тоже был в новом наряде. Серебристо-серый шёлковый халат, скрученные рукава белоснежные и элегантные, на талии не было пояса или шнурка, только на косой застёжке висела бело-зелёная нефритовая пуговица, подчёркивая изысканные черты лица. Весь он был мягче и прохладнее, чем лунный свет этой ночи!

Его сердце дрогнуло.

— Шаобай, ты прекрасен!

Гу Шаобай улыбнулся, ничего не сказав, и сел рядом с ним.

Слуги были отправлены подальше, и огромная беседка осталась только для них двоих.

Му Цинфэн сам налил вино в их чаши.

— Шаобай, ты знаешь, какой сегодня день?

Гу Шаобай опустил голову.

— Знаю.

Как он мог не знать? Сегодня был день рождения Му Цинфэна. В этот день любовник превратился в волка; в этот день он погрузился в восемнадцатый круг ада; в этот день его семнадцать лет жизни были раздавлены в прах.

Он прожил семнадцать лет напрасно!

Му Цинфэн был удивлён этим ответом. Он улыбнулся.

— Знаешь?

Гу Шаобай резко поднял голову, его взгляд был ясен.

— Сегодня вам исполняется двадцать четыре года, князь, не так ли?

Му Цинфэн замер. Выражение лица Гу Шаобая было странным — не печальным, не радостным, скорее, это была печаль, познавшая тысячи невзгод.

— Это Чжоу Пин тебе сказал? — Он положил несколько кусочков еды в чашу Гу Шаобая и снова наполнил его нефритовую чашу вином.

Гу Шаобай не сказал ни да, ни нет, просто поднял чашу и выпил залпом.

Му Цинфэн спросил:

— Почему ты пьёшь один?

Он снова наполнил чашу.

— Не поздравишь меня с днём рождения?

Он с улыбкой поднял свою чашу, ожидая, что Гу Шаобай сделает то же самое.

Неожиданно Гу Шаобай встал с чашей в руке, его взгляд был спокоен, но он ничего не говорил, просто смотрел на него.

Му Цинфэн, думая, что он хочет произнести тост, тоже встал, но, сколько ни смотрел, он не видел ни капли радости на его лице.

Гу Шаобай, увидев, что он встал, напряжённо усмехнулся, но в его глазах не было и тени улыбки.

— Князь, я желаю вам долголетия, как у Восточного моря, и жизни, как у Южных гор, но в одиночестве; я желаю вам многих лет, но без спутника; я желаю вам здоровья и благополучия, но без любви…

— Хватит! — Му Цинфэн сжал чашу в руке, и она разлетелась на осколки, мгновенно порезав ладонь. Кровь закапала на стол.

Гу Шаобай холодно взглянул на это, равнодушно допил вино, затем снова налил себе и продолжил, уголки его глаз покраснели, неясно от вина или от горя.

— Князь, знаете, почему я не люблю вас?

— Потому что… — Он снова выпил залпом, затем отпустил чашу, которая разбилась о каменный пол с громким звоном. — Я ненавижу вас, поэтому не могу любить…

— Почему я вас ненавижу, я не хочу говорить, и вам не нужно знать. Вам достаточно знать, что в моих глазах вы — железное, каменное, бесчувственное существо, не знающее, что такое любовь… — Он холодно рассмеялся, пошатнулся, затем опёрся на стол и медленно приблизился к Му Цинфэну, чьё лицо посерело от ярости. Его глаза, полные тумана, пристально смотрели на него, и он произнёс каждое слово чётко:

— Разве я могу полюбить волка? Разве я настолько глуп, чтобы отдать себя ему…

Му Цинфэн, не выдержав, схватил его за шею, прерывая его слова. Кровеносные сосуды в его глазах лопнули, словно паутина. Он сдерживал гнев, его взгляд был холоден, как лезвие.

— Когда я когда-либо причинил тебе вред? Откуда эта ненависть? Если ты действительно ненавидишь, почему тогда спас меня, рискуя жизнью… Гу Шаобай, ты двуличный, непостоянный, не различаешь правду и ложь, принимаешь мою искренность за собачью преданность. Ты настоящий… негодяй… ты…

Гу Шаобай покраснел, из уголков его глаз вытекли две слезы. Он терпел адскую боль в горле и чувство удушья, но его взгляд был холодным и непоколебимым, без малейшего намёка на слабость или мольбу. Му Цинфэн, несмотря на ярость, не смог сжать пальцы сильнее. Он медленно, с облегчением отпустил его…

В этот момент тихий звук пронзил воздух. Меч беззвучно атаковал сзади. Му Цинфэн, заметив блеск краем глаза, тут же схватил Гу Шаобая и отодвинул его в сторону, едва избежав удара.

Когда меч промахнулся, атака не прекратилась. Вместо этого меч изменил направление, скользя к их шеям. Му Цинфэн оттолкнул Гу Шаобая и сам наклонился, чтобы избежать удара.

Му Цинфэн отскочил на несколько шагов, холодно глядя на незваного гостя — маленького человека в чёрной маске. По фигуре он сразу понял, что это была убийца из «Городка Ухуа», Гуаньсинь.

Он усмехнулся.

— Столько людей из «Городка Ухуа» вернулись ни с чем. Ты уверена, что одна сможешь ранить меня?

Не успел он закончить, как ещё один высокий человек в чёрном появился у беседки и покачал головой в сторону Гуаньсинь.

Гуаньсинь заговорила.

— Где секретные письма, найденные в доме господина Сунь?

Му Цинфэн спокойно взглянул на Гу Шаобая, который сидел на полу, кашляя и держась за горло, и равнодушно ответил:

— Даже если я дам их, у вас может не быть шанса унести их.

Гуаньсинь кивнула в сторону второго человека, и, держа короткий меч, бросилась на Му Цинфэна. Му Цинфэн двинул ладонью, и серебряный шнур с его пояса превратился в молнию, направленную на меч Гуаньсинь.

Он хотел захватить Гуаньсинь живой, так как заговорщики, стоящие за Сунь и Гэ, вероятно, были инициаторами дела Фан Сяоаня, а Гуаньсинь была самым острым и безжалостным оружием в их руках.

Меч и шнур сталкивались, высекая искры. Му Цинфэн не хотел убивать, но Гуаньсинь сражалась, бросая свою жизнь на кон. За несколько ударов он не смог её одолеть.

Второй человек внезапно двинулся. Его тело взметнулось вверх, как кобра, готовящаяся к атаке, но не на Му Цинфэна, а на Гу Шаобая.

Му Цинфэн вздрогнул. Серебряный шнур, наполненный внутренней силой, стал прямым, как стрела, и ударил в спину нападавшего. Тот, услышав звук, уклонился и снова бросился вперёд.

Му Цинфэн, в панике, оставил Гуаньсинь и бросился к нападавшему. Рука нападавшего уже почти коснулась Гу Шаобая, когда шнур достиг его. Ему пришлось отпустить и уклониться от удара.

В мгновение ока меч Гуаньсинь снова достиг его спины, оттеснив нападавшего. Му Цинфэн не успел полностью увернуться и позволил мечу оставить глубокую рану на левом плече.

Гу Шаобай, увидев это, закричал в ужасе:

— Осторожно!

Его взгляд был пуст, его мозг на мгновение стал белым, и в его глазах остались только капли крови, разлетевшиеся в воздухе от удара меча.

Вдалеке послышались торопливые шаги — шум боя привлёк внимание охраны.

Му Цинфэн, испытывая сильную боль в плече, замедлил движения. Меч Гуаньсинь снова приблизился. В хаосе движений нападавший, терпя боль от удара шнуром по пояснице, наконец схватил Гу Шаобая. Успешно захватив его, Гуаньсинь тут же отскочила, встав рядом с нападавшим.

Лэн Дун с охраной окружили беседку. Му Цинфэн, скрывая тревогу, холодно смотрел на них,

не произнося ни слова.

Лэн Дун шёпотом сказал ему:

— Князь, только что кто-то проник в кабинет!

Му Цинфэн кивнул. Конечно, это был тот самый человек, который искал секретные письма.

— Отпусти его, — сказал Му Цинфэн.

Гуаньсинь, в чёрной маске, только её яркие глаза были видны, заговорила холодным голосом:

— Хорошо, дайте нам письма, и мы отпустим его.

Му Цинфэн усмехнулся.

— Я не подчиняюсь угрозам!

Гу Шаобай был схвачен железной рукой нападавшего, и холодный кинжал прижался к его шее. Он не знал, что это за письма, но понимал, что они важны для Му Цинфэна.

Его душили, голова кружилась, он опёрся на перила, но нападавший тут же резко сказал:

— Не двигайся!

Гу Шаобай хрипло произнёс:

— Вы, должно быть, ошиблись. Я не важная персона. Обменять меня на письма — он точно не согласится…

Нападающий резко надавил кинжалом, и Гу Шаобай почувствовал острую боль на шее, ощущая, как тёплая жидкость потекла вниз.

http://bllate.org/book/16730/1538823